

УДК 821.411.21
ББК 83.3(5Маз)52

СТЭМФОРД РАФФЛЗ КАК ОБРАЗЕЦ «СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВИТЕЛЯ» (ПО МЕМУАРАМ АБДУЛЛАХА МУНШИ)

© 2018 г. Л.В. Горяева

*Институт востоковедения
Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 23 апреля 2018 г.

Дата публикации: 25 декабря 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-76-89

Аннотация: Одним из первых малайских авторов, работавших в жанре документальной прозы, стал Абдуллах бин Абдулкадир Мунши (1796–1854). В его мемуарах «История Абдуллаха» (*Hikayat Abdullah*) шла речь о событиях первой трети XIX в., когда малайский мир стал ареной противоборства двух крупнейших колониальных держав: Нидерландов и Великобритании. Автор книги был их непосредственным очевидцем и участником, начавшим свою карьеру в качестве сотрудника канцелярии Томаса Стэмфорда Раффлза (1781–1826), выдающегося британского колониального администратора, легендарного основателя Сингапура. При написании своих мемуаров Абдуллах следовал канонам традиционной малайской литературы *адаба*: он подчеркивал назидательное значение своей книги в целом и тех ее отдельных эпизодов, в которых главной фигурой был «идеальный правитель» нового времени — Раффлз. Британский государственный деятель стал одной из центральных фигур книги и олицетворением тех качеств, которые, по мнению Абдуллаха, должны были быть присущи правителю. Автор мемуаров обнаруживает в поступках своего героя ряд черт, присущих легендарным владыкам прошлого и нашедших свое отражение в малайских дидактических сочинениях XVII в. — «Тадж ас-салатин» Бухари ал-Джаухари и «Бустан ас-салатин» Нуруддина ар-Ранири. В то же время для Абдуллаха были очевидны принципиальные черты несходства Раффлза с малайскими султанами — обладателями абсолютной власти, неспособными отвечать на вызовы нового времени. Тем самым писатель предложил читателям новый стандарт образцового правителя — деятельного, любознательного, демократичного и волевого.

Ключевые слова: малайская литература, Абдуллах Мунши, Томас Стэмфорд Раффлз, мемуары, дидактика, идеальный правитель.

Информация об авторе: Любовь Витальевна Горяева — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, ул. Рождественка, д. 12, 107031 г. Москва, Россия.

E-mail: goriaeva@mail.ru

Для цитирования: Горяева Л.В. Стэмфорд Раффлз как образец «справедливого правителя» (по мемуарам Абдуллаха Мунши) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 4. С. 76–89. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-76-89

STAMFORD RAFFLES AS AN EXAMPLE OF A “JUST RULER” (ACCORDING TO THE MEMOIR OF ABDULLAH MUNSHI)

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. L.V. Goriaeva

*Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: April 23, 2018

Date of publication: December 25, 2018

Abstract: One of the first Malay authors who worked in the genre of documentary prose was publisher Abdullah bin Abdulkadir Munshi (1796–1854). His memoir *The Story of Abdullah* (Hikayat Abdullah) narrated the events of the first third of the 19th century, when the Malay world became the arena of confrontation between the two largest colonial powers: the Netherlands and the United Kingdom. The author of the book was an eyewitness and participant of these events since he began his career as an employee of the office of Thomas Stamford Raffles (1781–1826), an outstanding British colonial administrator, the legendary founder of Singapore. When writing his memoir, Abdullah followed the canons of traditional Malay *adab* literature: he stressed the instructive significance of his book as a whole and of those episodes where the “ideal ruler” of the new time, T. St. Raffles, was the main actor. The British statesman became one of the central characters of the book who possessed all the qualities that, according to Abdullah, should have been inherent in the ruler. The author of the memoir discovers in the doings of his hero a number of features proper to the legendary kings of the past that found their reflection in the Malay didactic works of the 17th century – “Taj as-salatin” by Bukhari al-Jawhari and “Bustan as-salatin” by Nuruddin ar-Raniri. At the same time, Abdullah clearly saw the fundamental dissimilarity of Raffles and the Malay sultans – holders of absolute power, unable to meet the challenges of the new era. Thus, the writer offered his readers a new standard of an exemplary ruler – active, inquisitive, democratic, and strong-willed.

Keywords: Malay literature, Abdullah Munshi, Thomas Stamford Raffles, memoir, didactics, ideal ruler.

Information about the author: Liubov V. Goriaeva, PhD in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka 12, 107031 Moscow, Russia.

E-mail: goriaeva@mail.ru

For citation: Goriaeva L.V. Stamford Raffles as an Example of a “Just Ruler” (According to the Memoir of Abdullah Munshi). *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 76–89. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-76-89

Фигура легендарного основателя Сингапура, британского колониального администратора Томаса Стэмфорда Раффлза (1781–1826) хорошо известна всем, кто в той или иной мере знаком с историей островной Юго-Восточной Азии.

Эпохе, в которую жил Раффлз, и его деятельности посвящено немало трудов как индонезийских и малайских, так и европейских и отечественных историков. В числе последних следует упомянуть прежде всего академика А.А. Губера — автора незаконченной монографии «Англо-голландская борьба за Индонезию» [2]. Интерес ученого к этому периоду истории региона и, в частности, к событиям конца XVIII — первой четверти XIX вв., далеко не случаен: он предопределил многие тенденции, получившие свое дальнейшее развитие в Новое и Новейшее время.

В ряду источников, отражавших события той эпохи, особое место занимает «История Абдуллаха» (*Hikayat Abdullah*) — мемуары, принадлежащие перу уроженца Малакки, выходца из арабо-тамильской семьи, писемводителя, переводчика, преподавателя и, наконец, писателя Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796–1854).

По своему происхождению Абдуллах принадлежал к образованному кругу потомков хадрамаутских арабов, селившихся в регионе островной Юго-Восточной Азии с незапамятных времен. Высокий социальный престиж этой диаспоры был связан с их принадлежностью мусульманской *умме*, репутацией носителей «чистого» ислама, а также ролью, которую играли арабы в сфере предпринимательства и торговли. Несмотря на свою относительно малочисленность, они содействовали арабизации малайской культуры, но и сами в свою очередь подвергались неизбежной малаизации.

В культурном и социальном плане этнические арабы занимали в обществе своего рода промежуточное положение между автохтонным населением и европейцами, выполняя посредническую функцию между ними¹. На тех и на других Абдуллах смотрел глазами стороннего наблюдателя, оценивающего их «без гнева и пристрастия».

Будучи приглашенным для работы в канцелярии Раффлза в качестве секретаря-переписчика, Абдуллах в течение ряда лет, начиная с 14-летнего возраста, принадлежал к кругу его ближайших сотрудников. Юноша мог наблюдать своего патрона в повседневной жизни, видеть его реакцию на различные события той бурной эпохи. Неудивительно, что Раффлз стал одной из центральных фигур мемуаров Абдуллаха, вышедших в свет в 1849 г., спустя почти два десятилетия после кончины этого деятеля, и незадолго до смерти самого автора (1854).

Следуя традиции, Абдуллах придавал особое значение назидательному звучанию своей книги. Рассказ о многих драматических эпизодах, свидетелем которых он оказался, писатель завершает наставлениями (*насахат*), написанными по канонам арабо-мусульманской литературы *адаба*². Самыми выдающимися малайскими произведениями этого рода были «зерцало для правителей» «Корона царей» (Taj as-Salatin) Бухари ал-Джаухари (1603)³ и энциклопедический свод «Сад царей» (Bustan as-Salatin) Нуруддина ар-Ранири (1638–1642/3)⁴. Принципиальное отличие мемуаров Абдуллаха от названных трудов заключалось в документальной достоверности его книги: автор не пересказывал истории и легенды прошлого, но рассказывал о реальных событиях государственного значения, свидетелем которых ему довелось быть.

В «зерцалах для правителей», как и в литературе *адаба* в целом, нравственным образцом, гарантом благоденствия и процветания страны и наро-

1 Более подробно об этом см.: [1, с. 52].

2 *Адаб* (ар.) — воспитание, воспитанность, вежливость, учтивость, благопристойность, приличие (в современном арабском — литература). Литература *адаба* приобретает широкое гуманистическое звучание при Аббасидах в результате воздействия индийской, иранской, греческой литератур. Позднее его смысл сужается до знаний, необходимых для исполнения различных общественных и государственных функций [4, с. 175–176].

3 Русский перевод этой книги см. в: [3, с. 373–646]. Ниже ссылки на цитаты из «Короны царей» даются по этому изданию.

4 Библиографию изданий отдельных разделов свода см.: http://mcp.anu.edu.au/N/BS_bib.html

да неизменно выступает справедливым и добродетельным государь. Таким для Абдуллаха стал европеец — Томас Стэмфорд Раффлз. Несмотря на то что общий срок, в течение которого Абдуллах мог наблюдать Раффлза, не достигает и десяти лет со значительным перерывом (1810–1811 и 1817–1824 гг.), этот видный британский деятель, безусловно, является главным героем его мемуаров.

В исследовательской литературе традиционно принято ссылаться на тот фрагмент книги, где автор рисует портрет и описывает манеры Раффлза [7, с. 201; 8, с. 217; 9, с. 107–113]. При этом обычно отмечается, что свои представления о физиогномике Абдуллах почерпнул из соответствующей главы уже упомянутой «Короны царей» Бухари ал-Джаухари [3, с. 576–579].

Вот каким предстал моему взору господин Раффлз. Среднего роста, не мал, не высок, не толст и не тонок. Лоб широкий, что говорит о душевном благородстве. Голова круглая, с развитой лобной частью, что является признаком ума. Волосы рыжеватые — признак храбрости. Уши широкие — признак умения слушать. Брови густые, левый глаз немного косит. Нос тонкий, щеки немного впалые, губы тонкие, что говорит об умении вести беседу. Речь его благозвучна, рот большой, шея длинная, кожа не слишком белая, грудь широкая, в поясе он тонок, ступни не малы и не велики. Когда идет — слегка сутулится [6, с. 292]⁵.

Внимательное сравнение этого отрывка с посвященной физиогномике главой 19 «Короны царей» показывает, однако, что далеко не все особенности внешности одинаково трактуются обоими авторами. Для Абдуллаха каждая черта облика Раффлза — форма головы, носа, лба, цвет волос и т. д. — неоспоримо свидетельствует о высоких интеллектуальных и нравственных качествах его патрона. Напротив, для создателя «Короны царей» Бухари ал-Джаухари основным признаком морального совершенства служит внешность «умеренных пропорций» [3, с. 578–579]⁶. Не ограничиваясь описанием внешности Раффлза, писатель дает ему такую развернутую характеристику:

5 Здесь и далее ссылки на «Историю Абдуллаха» даются по изданию: [6].

6 О различиях в трактовке физиогномических признаков, предлагаемой в двух этих сочинениях, говорил и А. Суини, виднейший исследователь творчества Абдуллаха [6, с. 147–148].

Он уважительно и любезно ведет беседу со всяким, будь то человек невысокого звания или же важный господин. К людям относится сердечно и всегда щедр с бедняками. Он не терпит пустословия, и во время беседы улыбка не покидает его уст. Он прекрасно разбирается в делах прошедших времен. Обратившись к какому-нибудь вопросу, не торопится и доводит дело до конца. Любит уединенные места, где может в тишине заниматься писанием и чтением книг. Когда он что-то изучает или занят беседой с кем-то, то до окончания этих занятий не принимает посетителей. Для всякого занятия у него отведено своё время, и одно не мешается с другим. Я мог наблюдать за его привычками, когда вечером, после чаепития с друзьями, его ждал большой стол с бумагой, чернилами и двумя свечами в подсвечниках. Устав от хождения по комнате, он укладывался на стол лицом к потолку и закрывал глаза, словно спящий. Думаю, пару-тройку раз он действительно засыпал. Спустя минуту он внезапно просыпался и принимался писать. Потом снова укладывался, и так продолжалось до 11–12 часов, когда он отправлялся на покой [6, с. 292].

Здесь наглядно видна параллель с характеристикой идеального государя, приведенной в «Короне царей»:

Царю надлежит быть умеренным в еде, питье, сне и не поддаваться влечениям страстей, дабы надлежащим образом исполнять свои трудные государственные обязанности [3, с. 480]; двери царя должны быть всегда открыты для его подданных, дабы любой ходатай нашел их отпертыми и мог немедля же поведать государю о своем деле, а тот мог незамедлительно вынести по нему решение [3, с. 568]. Следует, чтобы царь, верша свой суд, проявлял мудрость, рассудительность и осторожность, не пренебрегая ни одним явившимся к нему ходатаем [3, с. 572]. Следует, чтобы царь, ведя разбирательство дел, судил справедливо и беспристрастно [3, с. 491] и т. д.

Рисуя портрет своего патрона, Абдуллах подробно описывает его интерес ко всем сторонам жизни малайцев — Раффлз изучал их язык, собирал коллекции растений и насекомых, содержал маленький зоопарк, скупал старинные рукописи, давая за них хорошую цену. В случаях, когда купить нужную рукопись не удавалось, Раффлз поручал переписчикам делать ко-

пии манускриптов, взятых им на время у владельцев, используя при этом привезенную им бумагу⁷. Он завязывал дружеские отношения со многими правителями малайского мира, слал им подарки, а взамен получал рукописи. При посещении одной из малайских коранических школ вместе с Абдуллахом он был шокирован жестокостью наказаний, применяемых к детям. Видя, к чему сводится их обучение, Раффлз сетовал на то, что на первое место в таких школах ставится изучение Корана, а родному языку места не уделено.

Абдуллах подчеркивает демократизм Раффлза в отношениях с местным населением:

Я не раз слышал, как он говорил: «Меня возмущает то, как ведут себя малаккские голландцы: они постоянно унижают малайцев и не желают жить по соседству с ними». Сам же господин Раффлз всегда поддерживал с малайцами дружеские отношения, и готов был беседовать даже с бедняками [6, с. 295].

Эта черта «идеального государя» перекликается с приведенной в «Короне царей» цитатой из хадиса в малайском переводе:

Если правитель, призванный руководить каким-то из дел, которым занимаются мусульмане, закроет двери своего дома перед просителями, Аллах затворит перед ним двери своего милосердия, когда царю понадобится о чём-то попросить Его [3, с. 490].

Подытоживая характеристику Раффлза, Абдуллах замечает: «Наблюдения над его занятиями, высказываниями, дарованиями, внешним обликом и речью привели меня к заключению, что он, безусловно, человек выдающийся, наделенный недюжинным умом и нравственным величием» [6, с. 292]. Употребленное здесь Абдуллахом слово «нравственное величие»⁸ вынесено в название одной из глав «Короны царей», где особо подчеркивается значение этого качества для правителя.

7 Примером тому может служить рукопись хроники «Повести о раджах Пасея», хранящаяся в библиотеке Королевского Азиатского Общества (Лондон) под шифром Raffles Malay № 67 и являющаяся единственной копией полного текста этого памятника [5, с. 141].

8 **همت** (himmat) — энергия, пыл, усердие, старание, деятельность (ар.); нравственное величие, великодушие, высокие помыслы; старание, усердие; самоотверженность (перс.).

Порой Абдуллах отходит от принятых в его кругу мнений. Он с восхищением наблюдает за женой своего патрона, Оливией, которая выгодно отличается от супруг местных сановников.

Наблюдая за его женой, я понял, что она — женщина особенная. День напролет она была занята тем же, что и ее муж. При любых обстоятельствах она неизменно оставалась вежливой и любезной. И с бедными, и с богатыми она говорила одинаково уважительно. Старательно изучала малайский язык, выясняла, что означает то или иное малайское слово. И обо всем, что ни увидит, делала записи. И еще я подметил: что бы ни собрался сделать или приобрести ее муж, он всегда советовался с женой, и делал это лишь получив ее согласие. Какую бы работу она ни делала — выполняла это мастерски. И никогда не сидела, сложа руки, но всегда была чем-то занята. И занятий этих на каждый день приходилось множество. По тому, чему я был свидетелем, видна разница между малайцами и белыми людьми. У малайцев заведено так: если женщина стала супругой вельможи, она становится спесивой и праздной. Ведет себя высокомерно и важничает. Считает для себя унижительным долго чем-нибудь заниматься или выполнять утомительную физическую работу, но предпочитает посиживать да полеживать, наряжаться, причесываться волосок к волоску и командовать слугами.... Просыпается в десять-одиннадцать часов, ест и пьет, посидит немного и опять засыпает до вечера, потом восседает перед блюдом для бетеля. И это называется «повезло»: вышла замуж за человека высокого положения. Но жена господина Раффлза, как я мог убедиться, весьма проворна и никогда не сидит без дела, не остается праздной — сделал домашнюю работу, садится за шитье, закончив шитье, занимается писанием. Слепни мои глаза, если я хоть раз видел, чтобы она среди дня заснула или позволила себе прилечь — нет, весь день проходил у нее в труде и заботах.

Если мои наблюдения верны, то подобную женщину можно назвать мудрой и знающей, способной содеять многое. Я словно бы видел, как она старается и прилагает усилия, работает вместе с мужем и помогает ему. Аллах соединил их в согласии, словно государя с его министром, или кольцо с самоцветом, или молоко с сахаром. Им следует подражать, и да станут они примером для будущих поколений [6, с. 297–298].

Новизна точки зрения Абдуллаха состояла в том, что идеал супруги — соратницы мужа — не был принят в малайском обществе той эпохи. В главе 6 он посвящает супружеской идиллии своего патрона два рифмованных четверостишия-*пантуна*. Много позже, в 1824 г., провожая Раффлза, окончательно отбывающего в Лондон, Абдуллах снова сочиняет стихи, посвященные ему и его жене, хотя к тому моменту это была уже не Оливия, скончавшаяся в 1814 г., а София. Они завершаются словами, подчеркивающими духовную близость супругов и напоминающими пассаж, приведенный выше: «С женой же он живет в согласии, словно месяц с солнцем» [6, с. 420].

С главой из «Короны царей», где говорится об обязанностях посланников правителя, перекликается эпизод с владыкой Сиака — Панглимой Бесаром, яванским принцем-*пангераном* и их отправкой с письмом в Бантам в преддверии британского вторжения на Яву (1811). Посланцы Раффлза использовали свою миссию в корыстных целях и пошли на подлог: сочинили фиктивное «ответное письмо», где выражалось согласие поддержать англичан при вторжении. На их беду читающий это письмо Раффлз заметил, что оно написано на бумаге из его конторы. Выяснилось, что Панглима Бесар согласился выполнить поручение Раффлза, преследуя собственные корыстные цели. Он занимался поставкой опиума в Джамби (Суматра), и для того сделал остановку в устье реки Батангхари. Завершив эту торговую операцию, Панглима Бесар намеренно задержался там, чтобы пограбить проходящие по реке суда. Когда времени для исполнения миссии Раффлза уже не оставалось, Панглима Бесар вынудил *пангерана* сочинить подложное письмо, в котором правитель Бантама якобы подтверждал свою готовность поддержать англичан во время вторжения на Яву.

Разгневанный Раффлз решил утаить этот позорный факт от своего начальника — генерал-губернатора Британской Индии лорда Минто, и отправил Панглиму назад в Сиак, спрятав его в корабельном пушечном жерле. Абдуллах резюмирует:

Следует извлечь урок, о благоразумные мои братья, из этой ужасной истории, дабы она запечатлелась в памяти всех, кто ищет себе доверенное лицо, человека надежного. Таковой стоит дорого, и трудно его найти в наше время. И если не подойдешь к делу со всей дотошностью и предусмотритель-

ностью, то пожалеешь об этом, как это случилось с господином Раффлзом [6, с. 319–320].

История с обманом Панглимы обнаруживает явное сходство с эпизодом, известным по «Короне царей» и многим другим источникам: письмом Искандара Зу-л-Карнайна к царю Даре, которое его посол подделал. За это Искандар велел вырвать предателю язык и объявить во всеуслышание, что такая кара ждет всякого, исказившего царское послание [3, с. 546–547]. Очевидно, что Раффлз не мог себе позволить подобной расправы накануне столь важного события, как экспедиция на Яву, и потому вынужден был скрыть этот позорный факт. В данном сюжете он выступает не как правитель (таковым является генерал-губернатор — лорд Минто), а как мудрый и политичный министр, помощник первого лица, свято блюдущий государственные интересы.

Рисуя характер Раффлза, рассказывая о его деяниях и реакциях на разнообразие события, Абдуллах предлагает читателю по-новому взглянуть на уже сложившееся представление о кодексе правил, которым обязаны следовать лица, облеченные властью. Очевидно, что его герой во всех своих поступках руководствуется прежде всего британскими интересами, но старается поступать гуманно, если позволяют обстоятельства, и учитывает при этом местные обычаи. Для Раффлза неприемлем, в частности, принцип коллективной ответственности за проступок одного-единственного лица. Он не позволяет малайскому сановнику-*теменггунгу* предать казни семью человека, тяжело ранившего первого британского резидента Сингапура — Уильяма Фаркухара. Сам же преступник, в соответствии с британскими законами, должен был быть повешен, и тело должно было провисеть на виселице 15 дней. Однако, поскольку при задержании злодей был убит, символическому повешению подлежал его труп. Готовый к компромиссу Раффлз согласился выдать родственникам тело убийцы на третий день, дабы его могли похоронить по законам ислама, и тем самым избежал открытого противостояния с местным населением [6, с. 396].

В главе, посвященной установлению британского владычества над Сингапуром (1819), Абдуллах не скрывает восхищения, описывая дипломатический такт Раффлза и его умение убеждать собеседника:

Воистину был он сладок, словно море меда. Не только человеческое сердце, но и камень не устоял бы перед его речами, перед благозвучием его голоса, подобного нежнейшей музыке, способными изгнать печаль и недоверие из самых глубин человеческой души. Волны смятения, бьющиеся о рифы сомнения, постепенно утихли. Порывы ветра и сгустившийся мрак, предвестники бури, исчезли, словно их и не бывало, погода стала ясной. Из сада дружбы повеяло тихим ветерком. Внезапно засияла полная луна, и чистосердечие намерений господина Раффлза в отношении Тенгу Лонга стало видно со всей отчетливостью. На смену заботе явилась радость, лицо Тенгу Лонга просияло. Украдкой взглянув на него, просиял и господин Раффлз. Поднявшись со своего места, он под руку проводил Тенгу Лонга в свою каюту и они закрылись там для беседы. Свидетелей их переговоров не было. Кто знает, о чем там шла речь? Имей я об этом понятие — написал бы здесь, а так ведает о том лишь один Аллах [6, с. 377].

Автор мемуаров в полной мере отдает себе отчет, что Раффлз — отнюдь не всевластный правитель, но чиновник, которому не раз приходилось идти на уступки и применяться к обстоятельствам. При этом автор с восхищением сообщает, какие хитроумные решения предлагал Раффлз в случаях, когда добиться нужного результата у местных сановников можно было лишь окольными путями. Во всех критических случаях ему неизменно помогало такое, неоднократно упоминаемое автором, качество, как «воспитанность», «уважительный тон» (*budi bahasa*) — важный атрибут и просвещенного владыки, и его приближенных.

Абдуллах, с отроческих лет общавшийся с европейцами, видит в Раффлзе не традиционно-сакральную фигуру «повелителя вселенной», но человека простого звания, достигшего карьерных высот благодаря своим нравственным достоинствам, уму и деловым качествам:

Уповаю, что читатели моей повести возьмут за образец сего умнейшего человека, обязанного своей славой, величием и достатком не высокому рождению, но собственной учености и мудрости. В юности господин Раффлз был простым клерком, подобным многим, однако, благодаря своему уму, сообразительности и талантам, он сумел убедить генерал-губернатора Бенгалии, что ему под силу овладеть Явой, и тот возложил на него эти полномочия [6, с. 409–410].

И если традиционный малайский владыка лишь пользуется всем кругом возможностей, что дает ему его статус (устоявшаяся иерархическая структура, законы шариата, каноны взаимоотношений с низшими или равными по положению), но ничего в ней не меняет, то герой Абдуллаха строит эту систему заново и заставляет ее работать — на благо Британской Империи и не без пользы для подвластных ей территорий. Тем самым писатель предлагает обществу новый стандарт образцового правителя — деятельного, любознательного, демократичного и волевого.

Список литературы

- 1 Горяева Л.В. «Повесть о земле Бали» – «искусственная» династийная хроника начала XIX в. // Письменные памятники Востока. М., 2013. № 1 (18), весна-лето. С. 51–64.
- 2 Губер А.А. Англо-голландская борьба за Индонезию. М.: Наука, 1976. 279 с.
- 3 Памятники малайской книжности XV–XVII вв.: Повесть о победоносных Пандавах; Бухари ал-Джаухари. Корона царей / пер. с малайского, исследование, комментарии, приложения и указатели Л.В. Горяевой; Институт востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 2011. 646 с.
- 4 Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden: E.J. Brill, 1960. Vol. 1. 1359 p.
- 5 Indonesian Manuscripts in Great Britain. A catalogue of manuscripts in Indonesian languages in British public collections. New edition with Addenda and Corrigenda by M.C. Ricklefs, P. Voorhoeve & Annabel Teh Gallop (eds.). Jakarta: Ecole française d'Extreme-Orient, 2014. 352 p.
- 6 Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi. Jilid 3. Hikayat Abdullah. Disunting oleh Amin Sweeney. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2008. xxiii+824 p.
- 7 *Liauw Yock Fang*. Sejarah Kesusastraan Melayu Klassik. Singapura, Pustaka Nasional, 1975. 351 p.
- 8 Lombard D., Arifin W. Kerajaan Aceh zaman Sultan Iskandar Muda (1607–1636). Kepustakaan Populer Gramedia: Forum Jakarta-Paris: Ecole française d'Extrême-Orient. 408 p.
- 9 Teuku I. “Bokhari al-Jauhari dan Tajul-Salatin” // Dewan Bahasa. September 1965. P. 107–113.

References

- 1 Gorjaeva L.V. “Povest o zemle Bali” – “iskusstvennaia” dinastiinaia khronika nachala XIX v. [*The story of the land of Bali* – an “artificial” chronicle from the beginning of the 19th century]. *Pismennye pamiatniki Vostoka*, Moscow, 2013, no 1 (18) (Spring-Summer), pp. 51–64. (In Russ.)
- 2 Guber A.A. *Anglo-gollandskaia borba za Indoneziiu* [The Anglo-Dutch struggle for Indonesia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 279 p. (In Russ.)
- 3 *Pamiatniki malaiskoi knizhnosti XV–XVIII vv. Povest o pobedonosnykh Pandavakh. Bukhari al-Dzhaukhari “Korona tsarei”* [Texts of Malay written heritage of the 15th – 18th centuries. The tale of victorious Pandawas. Bukhari al-Jawhari “The Crown of Kings”], transl. from Malay, research articles, comm., annexes and indexes by L.V. Gorjaeva. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2011. 646 p. (In Russ.)
- 4 *The Encyclopaedia of Islam*. New edition. Leiden, E.J. Brill, 1960. Vol. 1. 1359 p. (In English)
- 5 *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A catalogue of canuscripts in Indonesians languages in British public collections*. New edition with Addenda and Corrigenda by M.C. Ricklefs, P. Voorhoeve & Annabel Teh Gallop (eds.) Jakarta, Ecole française d’Extreme-Orient, 2014. 352 p. (In English)
- 6 *Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi*. Jilid 3. Hikayat Abdullah. Disunting oleh Amin Sweeney. Jakarta, Kepustakaan Populer Gramedia, 2008. xxiii, 824 p. (In Malay)
- 7 Liauw Yock Fang. *Sejarah Kesusastraan Melayu Klassik*. Singapura, Pustaka Nasional, 1975. 351 p. (In Malay)
- 8 Lombard D., Arifin W. *Kerajaan Aceh zaman Sultan Iskandar Muda (1607–1636)*. Kepustakaan Populer Gramedia, Forum Jakarta-Paris, Ecole française d’Extrême-Orient. 408 p. (In Malay)
- 9 Teuku I. “Bokhari al-Jauhari dan Tajul-Salatin”. *Dewan Bahasa*, September 1965, pp. 107–113. (In Malay)